

протяжении своего исследования мы столкнемся с самыми различными родами занятий, коим посвящали себя алхимики, занимая на социальной лестнице места от наиболее высоких до самых низких). Его имя фигурирует даже среди судей, выносивших приговор Жанне д'Арк на процессе в Руане.

Алхимические манускрипты в Средние века чаще всего писались на пергаменте, в ранний период - и на папирусе, иногда на веленовой бумаге и крайне редко на других материалах. Парацельс рассказывал, что ему довелось видеть в Брюнау книгу, написанную на коре грушевого дерева и на восковых табличках. «Длиной в шесть пядей, шириной в три, а толщиной в полторы пяди», хранившаяся в доме некоего гамбургского бюргера, она содержала алхимические максимы Галена и Авиценны.

Лишь начиная с 1480 года, коим датируется первый известный нам западноевропейский алхимический трактат, обильно украшенный миниатюрами - "Лигога consurgens" («Восходящая заря»), иллюстрации появляются в сочинениях алхимиков. Чем объясняется подобного рода задержка? Памятуя о том, что алхимию в Западную Европу принесли в начале Средних веков арабы, можно объяснить отсутствие в первых алхимических трактатах рисунков запретом, предписанным Кораном, на изображение людей и животных (за несколькими исключениями, например, в Иране). Однако в скульптуре алхимические символы появляются значительно раньше - в религиозных постройках начиная с XIII века.

Среди алхимических манускриптов, содержащих иллюстрации, попадаются настоящие шедевры, например проиллюстрированный великолепными миниатюрами трактат "Splendor Solis" («Сияние Сапнца»), написанный около 1490 года Соломоном Трисмозином, называвшим себя «наставником» Парацельса в «герметическом искусстве». С момента появления книгопечатания алхимики использовали это изобретение, а с конца XV века выходили трактаты, иллюстрированные гравюрами на дереве.

Очевидно, картина была бы неполной, если бы мы обошли молчанием существование алхимиков, которые после многих лет тщетных поисков впадали в уныние.

Среди свидетельств о разуверившихся приверженцах этого «искусства», в конце концов отказавшихся от несбыточной надежды преуспеть в Великом Делании, упоминается и Генрих Корнелий Агриппа Неттесгеймский. Хотя это уже начало эпохи Ренессанса, однако ситуация типичным образом воспроизводит реакцию многих разочаровавшихся средневековых алхимиков. В своей «Речи о сомнительности, тщетности и заблуждении наук» Агриппа заявлял:

«Вредоносные угли, сера, навоз, яды и все тяжкие труды вам кажутся слаще меда, пока вы еще не растратили все свое состояние, имение и наследство, пока оные не обратились в прах и дым, и вы все еще тешите себя надеждой узреть в награду за все ваши долгие труды чудесную картину зарождения золота, обрести вечное здоровье и возвратить себе молодость. Наконец, потеряв время и деньги, вложенные вами в это дело, состарившись, вы, обремененные годами, одетые в лохмотья, изголодавшиеся, вечно вдыхавшие запах серы, испачканные цинком и углем и почти разбитые параличом от постоянной работы с ртутью... почувствуете себя до того несчастными, что будете готовы продать свою жизнь и саму душу».

Но вернемся к определению собственно целей, кои преследовали средневековые алхимики, равно как и их преемники в последующие времена. Необходимо с самого начала набросать общую картину, которая будет дополняться по мере продвижения нашего исследования.

Наиболее распространенное определение представляет алхимию как искусство превращения простых металлов в золото. Действительно, эта трансмутация металлов является одним из свойств того, что адепты называют философским камнем. У нас имеются даже многочисленные свидетельства, не оставляющие ни малейшего сомнения в том, что производились определенные операции, нацеленные на получение «герметического» золота. Можно найти малоизвестные уточнения в труде «Два алхимических трактата XIX века»; стоит порекомендовать также большой современный